

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Апресян
Рубен**

Грантович —
доктор философ-
ских наук, профес-
сор, заведующий
сектором этики
Института филосо-
фии РАН. Постоян-
ный автор журнала.
E-mail: apresyuan@
mail.ru

Окончание. Начало
см.: "Человек". 2015.
№ 2.

¹ Его также имену-
ют: "Хвалебный
псалом", "Псалом
любви", "Глава
о великой любви".
М.Д. Муретов назы-
вает этот фрагмент
"Новозаветная
песнь любви"
[1, с. 559–612].

АГАПЭ

© 2015

Р.Г. Апресян

Гимн любви апостола Павла

Любовь-агапэ воспевает апостол Павел в 13-й главе Первого послания к Коринфянам. Этот фрагмент настолько выделяется своим возвышенно поэтическим стилем, что может восприниматься как отдельное произведение, и его нередко называют "Гимн любви"¹. Для Павла вообще характерно излагать торжественным ритмическим слогом наиболее важные места в своих посланиях [1, с. 596].

Первое послание к Коринфянам, как и ряд других посланий Павла, носит ярко выраженный наставительный характер. Молодая коринфская христианская община, основанная самим Павлом около 50-го года н.э., спустя несколько лет, когда писалось письмо (предположительно, в середине 50-х годов н.э.) переживала серьезные внутренние трудности. Они были обусловлены, с одной стороны, недоразумениями и разногласиями относительно ряда религиозных вопросов, а с другой — тем, что многие члены общины Коринфа, разноэтничного и многоконфессионального торгового города, были не евреями (не иудеями в прошлом). Они происходили из язычников и сохраняли языческие обычаи и привычки как в делах церковных, так и в отношениях друг с другом. Разногласия порождали прямые конфликты между членами общины, которые угрожали ее существованию.

Павел предупреждает коринфян от неравенства в общественной жизни, от зависти в отношениях друг с другом. Он упрекает их в продолжающихся спорах и разногласиях. Дело не в том, что надо держаться исключительно единомыслия; Павел как раз подчеркивает: "Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" [1 Кор 11:19]; — недопустимы разногласия, провоцируемые завистью, кичливостью, претензией на исключительность. Верящим в Иисуса дана свобода, но не для того, чтобы оставаться "блудником,

или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником” [1 Кор 5:11; также 1 Кор 6:10–11], вести тяжбы между собою в судах [1 Кор 6:7], прибегать к судьям (в то время как судьи ничего не могут значить для человека церкви) в надежде, что те, люди сторонние для общины, смогут рассудить братьев и т.д. Предостерегая от прельщения телесными удовольствиями, Павел указывает, что тело — для Господа [1 Кор 6:13], поскольку оно — храм живущего в каждом Святого Духа [1 Кор 6:19]. Обладая свободой, человек не должен становиться рабом собственного произвола, ему следует контролировать свои устремления и подчинять их духовным целям: “Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною” [1 Кор 6:12]. Похожие слова Павел говорит, предостерегая от идолослужения, подтверждая тем самым, как можно видеть по 5:11, что он ставит идолослужение в один ряд с развратом. Развивая эту тему в Послании к Галатам, Павел определенно противопоставляет прельщениям плоти любовь — как проявление свободы и как воплощение закона [Гал 5:13–14]². Следование Духу освобождает от вожелений плоти, которые понимаются довольно широко: “прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное” [Гал 5:19–21], и, наоборот, укрепляет в “любви, радости, мире, долготерпении, благости, милосердии, вере, кротости, воздержании” [Гал 5:22–23].

Чтобы удерживаться от разврата, Павел рекомендует мужчинам и женщинам вступать в брак и принадлежать друг другу в браке. Он именно рекомендует, оговариваясь, вместе с тем, что кто может, обходясь без брака, соблюдать целомудрие, лучше, подобно самому Павлу, в брак не вступать, а вступившим лучше сохранять целомудрие и жить, как вне брака. И такая жизнь имеет смысл, поскольку неженатый и незамужняя заботятся о Господе, а не о мирском.

Отдельно Павел обсуждает проблему духовных даров. Они различны — мудрость, знание, вера, способности целения, чудотворения, пророчества, “различения духов”, “разные языки”, истолкование языков [Гал 12:8–10], все дарованы Духом Святым и есть знак благодати. Но именно так к ним и следует относиться, не превозносясь своими дарами перед другими.

Особое внимание Павел уделяет тому, что он называет “разными языками” (в другом переводе “родами языков” — γένη ἑλωσσῶν [см. 2]) или “говорением языками”. Некоторые коринфские христиане считали это своим особенным даром. “Говорение языками” неправильно трактовать только как знание чужестранных языков. Возможно, Павел последнее тоже принимает во внимание, но имеет в виду главным образом то, что

² Говоря о законе, Павел имеет в виду благодать и одухотворенность [ср. Рим 6:14]; когда же, указывая на присутствие Духа, Павел говорит, что им человек освобождается от закона [Гал 5:18], им имеются в виду законы Декалога.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

в современной психолингвистике называется “глоссолалия”³, “экстатическая речь”. Со времен первых апостолов в среде ранних христиан сохранялось убеждение, что благодаря Духу Святому некоторым дарована способность благовествовать учение Христа [см. Деян 2:3–8]. Павел тоже видел в этом даре возможность приблизиться к Христу. Однако не меньшим, если не большим, он считал и дар истолкования такой речи, позволяющий распространить благодать, снизошедшую на одного, среди многих, и еще более — дар пророчества. Говорящий на “незнакомом языке”, общается не с людьми, а с Богом; пророчествующий же говорит с людьми и тем самым приносит им пользу, “назидает церкви” [1 Кор 14:2–6]. Поскольку главное — назидание церкви, “лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на *незнакомом языке*” [1 Кор 14:19]⁴.

Хотя духовные дары свидетельствуют о благодати, Павел обсуждает их в одном ряду с пороками (пьянством, развратом, корыстью, злоречивостью, равно и идолопоклонством), видя, что даже обладание ими оказывается у коринфян поводом для неоправданных прений и разногласий. Воздав должное названным духовным дарам, Павел подчеркивает, что есть “дары большие”. Указывая к ним путь “превосходнейший” [1 Кор 12:31], он и произносит свой гимн любви.

Большой духовный дар — любовь — Павел непосредственно противопоставляет иным духовным дарам [см. 6], хотя, казалось бы, о любви уместнее говорить в связи с общинными и коммуникативными конфликтами или брачными и внебрачными отношениями. Но тем отклонениям Павел противопоставляет другое: так, разногласия и конфликты могут быть предотвращены и преодолены посредством снисходительности, уступчивости, любезности, благожелательности, а невоздержность — посредством самодисциплинирования и благочестия. Однако именно духовным дарам, обретаемым силой Единого Духа Святого, в благодати, противопоставляется любовь. Любовь — преимущественный духовный дар. Без любви дары говорения другими языками, пророчества, мудрости, познания, веры, чудотворения — бессмысленны и бесплодны, а их обладатель ни на что не годен и подобен “кимвалу звучащему” [1 Кор 13:1]. Даже щедрость благотворительности и жертва собственной жизнью не будут иметь смысла без духа любви. Более того, все остальные дары истекнут, и “пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится” [1 Кор 13:8], а если любовь останется, то человек сохранит себя в Духе, ради общины и ближних своих. Знание частично, пророчества неполны [1 Кор 13:9], но ничто не может воспрепятствовать человеку сполна воплотить себя в любви. Это, может быть, звучит странно: ведь духовные дары даны Духом Святым. Однако мысль Павла в том, что духовные дары, хотя и данные по благодати свыше, должны

³ Др.-греч.

γλωσσολαλία от γλῶσσα/glossa “язык” + λαλέω/laleo “говорю”. Глоссолалия — это ритуальное религиозное поведение, происходящее при измененном состоянии сознания и выражающееся в произнесении членораздельных, но бессмысленных звуков.

⁴ А.П. Лопухин приводит в названной работе различные толкования феномена “разных языков”, но о глоссолалии ничего не говорит. Так же и М.Д. Муретов трактует “языки человеческие и ангельские” как “наивысшие дары чувства, во главе с даром вдохновенного слова и невыразимого на человеческом языке духовного восторга” [1, с. 562].

быть наполнены животворной силой самим человеком, ими обладающим. Любовь одухотворяет другие духовные дары тем, что направляет их на благо ближних и церкви.

Это подтверждается следующей частью гимна, по тем характеристикам, которые выделяются в любви. Она предстает не только превосходящим дополнением к духовным дарам, но альтернативой всем отклонениям в поведении и в душе, средством исцеления от слабостей и пороков. Ибо любовь — связующее начало в отношениях между людьми и в отношении людей к Богу.

Далее Павел выделяет характеристики любви, благодаря которым духовные дары только и могут быть наполнены жизнью, а отношения в общине единоверцев и между отдельными людьми — облагорожены. Эти характеристики передаются в форме действий самой любви. Апостол не говорит, что любовь отличают долготерпение, милосердие, отсутствие зависти, скромность, смирение и т.д. Он раскрывает сущность любви через конкретные действия/отношения или воздержание от конкретных действий/отношений: “Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит” [1 Кор 13:4–7]. Иными словами, любовь деятельна. Терпение, добросердечие, независтливость, отсутствие надменности, горделивости, бесчинства, себялюбия, раздражительности, злопамятства и злорадства, открытость добру, готовность к прощению, вера, надежда, снисходительность (к недостаткам других), — все эти добродетели обнаруживают себя как дар, будучи претворенными в практические действия и отношения.

Особенного внимания заслуживает стих “все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит” [1 Кор 13:7]. Можно не согласиться с М.Д. Муретовым относительно того, что четырежды употребленное “все”, расширяет “любовь до пределов всеобщности, представляя ее свойством, общим у человека с Божеством” [7, с. 569]. Бог не нуждается в вере и надежде — он всеведущ; как мы знаем, Бог многое прощает, но не все, он ко многому снисходителен, но не ко всему. Очевидно, что все эти характеристики относятся именно к человеку с ограниченностью его знаний и способностей, с его опытом преткновений, с его инстинктом самосохранения и отсюда — склонностью к себялюбию, надменности, пренебрежению к другим. Ни из текста гимна, ни из текста всего Послания не следует, что Павел предполагает непременную всеобщую обращенность этих способностей человека: здесь говорится о любви внутри общины, между единоверцами (всеобщность в этом смысле всего лишь желательна). Он обращается к членам христианских общин, и потому его главное попечение — об отношениях

внутри общины. Конечно, братолюбие, к которому призывает Павел: “будьте братолюбивы (φιλαδέλφια/*philadelphia*) друг к другу с нежностью; в почтительности (φιλόστοργοι/*philostor- goi*) друг друга предупреждайте” [Рим 12:10], — не может распространяться на всех. Однако было бы неверно думать, что Павел полагал любовь лишь внутри общины, между христианами. В его посланиях можно встретить и такие наставления: “Доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере” [Гал 6:10], “А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем...” [1 Фес 3:12–13]. Как видим, Павел формулирует требования должного поведения в первую очередь в отношении христиан (независимо от каких-либо этнических, личностных, социальных характеристик конкретных верующих), а *вместе с тем* и всех остальных людей. Что же действительно примечательно в четырежды употребленном апостолом “все”, так это утверждаемая таким образом безусловность применения данных способностей: всегда быть снисходительным, всегда и всем прощать, всегда верить, всегда надеяться.

Состояние любви, по Павлу, сродни состоянию совершенства. Идея тождественности любви и совершенства обнаруживается, как мы видели, в учении Христа. Не перестающая и не преходящая любовь, противопоставленная другим духовным дарам, частичным и конечным, знаменует духовное совершенство. Так зрелость противостоит младенчеству. Ведь и младенчество способно к речи, мышлению, рассуждению, но это младенческая речь, младенческое мышление, младенческое рассуждение, которые преодолеваются в зрелости мужа. Благодаря любви обретается высшая способность познания: на смену гадательному, частичному познанию пророчеств приходит непосредственное, “лицом к лицу” [1 Кор 13:12], познание, подобное божественному, как познанию случившемуся, завершеному, обретшему ясность.

Быть в любви, значит, быть в вере и надежде. Любовь укреплается вера и вдохновляется надежда; без веры и надежды еще более трудна была бы для человека любовь. “Вера — надежда — любовь/агапэ” — это именно добродетельная, то есть имеющая отношение к человеку и воплощающаяся в его характере и нраве триада. Вера и надежда — это состояния души, которые не сопоставимы с природой Бога. Но Бог любит. И в любви человек подобен Богу. Любовь вечна не только в сопоставлении с иными духовными дарами, но и с другими добродетелями, поскольку в Царстве Божьем воплощенной будет вера и исполнится надежда, а насущность любви останется.

Любовь необходима как в Царстве Божьем, так и на земле. Это такой дар, который, будучи причастным Царству Божьему, возможен и на земле, сколь трудно ни было бы его исполнение в земных человеческих отношениях. Поэтому хотя в совершен-

стве человек обретает троицу добродетелей — веру, надежду, любовь, “но любовь из них больше” [1 Кор 13:13]. Она соединяет человека и Бога.

В описании любви Павел фактически собрал характеристики, которые он неоднократно и по разным поводам, не только в связи с любовью, проговаривал в своих посланиях, увещевая братьев к благочестию. Последнее усматривалось им не только в праведности, то есть благоговейном отношении к Богу, и следовании заповедям, касающимся культа, но и в человечности, то есть доброжелательности и благодетельности в отношениях с людьми (так же как и нечестивость он усматривал не только в неуважении к Богу, пренебрежении религиозными правилами, но и в нелюбезном, несправедливом, незаботливом отношении к людям). Так что гимн любви апостола в сжатом виде представляет его этику⁵, понятую как обобщенное представление о должном (как положительно должном, не включающем пресечение и наказание зла, функция чего была выведена в сферу компетенции Бога).

Подтверждение вывода о полноте представленной в гимне любви этики находим в проповедях благочестия, или “правил христианской жизни” в других Павловых посланиях, где многие из добродетелей, представленные в Первом послании к Коринфянам как проявления любви, даны *наряду* с любовью:

“Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о страннопримстве [φιλοξενίαν/philoxenian]. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми” [Рим 12:9–18].

Эта проповедь содержит, наряду с предупреждением от мстительности, указание на то, что роль судьи и карателя за несправедливость отдана Богу. Бог разберется с нечестивцами, и потому врагам (недругам) следует всячески помогать и не поддаваться гневу⁶ — “побеждая зло добром” [Рим 12:21; см. также Еф 4:16–32].

Несколько иначе, но близким образом представляется любовь в Послании к Колоссянам, где призыв: “Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы” [Кол 3:12–13] продол-

⁵ Альберт Швейцер отмечает, что “сущность этического апостол Павел определяет самыми различными понятиями: это и праведность, и отказ служения греху, и жизнь для Бога, и принесение плода святости Богу, и служение Духу” [3, с. 426]. Без любви этот перечень воплощений этического у Павла определенно не полон.

⁶ Слова “не будь побежден злом” [Рим 12:21] следует трактовать именно так: не поддавайся гневу, злым чувствам в себе. Про неприятие внешнего зла было сказано прежде: “отвращайтесь зла” [Рим 12:9].

жается: “Более же всего *облекитесь* в любовь, которая есть совокупность совершенства” [Кол 3:14]. Как дар любви превосходит иные духовные дары, как любовь выше веры и надежды, так она преобладает и над другими добродетелями, охватывая их и представляя собой совершенство во всей его совокупности.

Любовь антиэгоистична, поскольку сопряжена с отказом от угождения себе и с угождением всем, с исканием “не своей пользы, но пользы многих”, чтобы эти многие спаслись [1 Кор 10:33], им “во благо, к назиданию” [Рим 15:1–2]. Радевание о благе других более всего угодно Иисусу [Флп 2:21]. Угождением другим человек, по Павлу, угождает Иисусу, и, таким образом, всецело исполняет Божью заповедь [ср. Рим 12:1–3].

Заповедь любви интересным образом партикуляризуется у Павла относительно супружеских отношений. Апостол представляет любовь мужа к жене такой же, какая задается в заповеди любви, утверждающей отношение к другому по типу отношения к самому себе и по стандарту, задаваемому Христом.

Как видим, любовь занимает центральное понятие в этике Павла. По мнению Андерса Нюгрена, именно благодаря Павлу термин “*agape*” укоренился в христианстве, а само понятие приобрело столь существенное значение в христианском учении. Этого могло бы не случиться, если бы Павел не предпринял пространного рассмотрения феномена любви, в ходе которого она была вписана в христианское учение, в первую очередь в теологию — теологию креста и спасения во Христе [7]⁷.

Ни в гимне любви, ни в Первом послании к Коринфянам Павел не говорит, что любовь дается благодатью, хотя из контекста должно быть ясно, что любовь — тоже духовный дар, и даже превосходящий прочие духовные дары, а раз последние даны Духом, то это же следует сказать и о любви. Однако в других местах Павел подчеркивает, что посредством Святого Духа изливается в сердца человеческие любовь Бога [Рим 5:5; 1 Фес 4:9]. Хотя любовь никак не может проявиться в человеке без его собственного усилия, она всегда — проявление самого Бога. Именно любовь Бога, претворенная в сердце человека, оказывается основанием любви человека. Павел описывает любовь как действие, практическое и активное, направленное на других людей, имеющее в виду их благо, совершаемое с готовностью, рвением, радостью, упованием на совершенство, и духовной силой [ср.: 1 Фес 4:1–2; 5:8–22; Гал 5; Рим 12]. Однако чтобы обрести Дух, вдохновляющий любовь, человек должен поверить в Бога, а значит, полюбить его. И дело не в том, что не любящим Иисуса — анафема [1 Кор 16:22], но знание от Бога дается только тем, кто любит его [1 Кор 8:3]. Таким образом, у Павла, как и у Иисуса, утверждается глубокая внутренняя

⁷ Имея в виду это же, Швейцер говорит о “мистике бытия во Христе” [3, с. 426]. В нашем рассмотрении теология и мистика агапэ не рассматривается как выходящая за рамки проблематики философии любви.

связь между любовью к ближнему и любовью к Богу; а без последней не может полностью открыться в человеке любовь Бога⁸.

Любовь предъявляется не только как высшая ценность, но и как основополагающее требование к поведению, выраженное в заповеди: “люби ближнего твоего, как самого себя” [Рим 13:9; также Гал 5:14]. Известные Моисеевы заповеди — «“не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай чужого” и все другие заключаются в сем слове» [Рим 13:9]. Легко заметить, что позиция апостола отличается от того, что говорится в Нагорной проповеди. Хотя Иисус и уверяет в своей преданности Закону и Пророкам [Мф 5:17], он радикальным образом переосмысливает известные законы и на этой основе, как выше было сказано, задает новую этику. Павел же, возможно, стремясь подчеркнуть нормативную близость учения Иисуса Моисееву учению, указывает на то, что заповедью любви объемлются, а не замещаются известные законы. “Любовь есть исполнение закона” [Рим 13:10]. Ею объемлются другие законы, поскольку в любви обобщенно выражается такое отношение к другому, при котором ближнему не делается зло. А все запреты, касающиеся человеческих отношений, обозначенные в Декалоге, и есть конкретные выражения зла. Отрицая их, любовь воплощает в себе общий закон. Апостол Иаков также называет заповедь любви к ближнему “царским законом” [Иак 2:8] и предупреждает, что исполнение этого закона как “закона свободы” [Иак 2:12], или милость, проявляемая в деяниях, — “превознесется над судом” [Иак 2:13], то есть будет основанием для решения на Страшном суде.

Любовь к врагам

Заповедь любви развивается в другой, частной заповеди любви к врагам. Она провозглашается Иисусом в Нагорной проповеди: “Вы слышали, что сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас” [Мф 5:43–44]. Ею Христос как бы разъяснил и дополнил заповедь любви⁹.

Заповеди ненависти и зложелательства в отношении врагов вообще в книгах Ветхого Завета нет. Но, по мнению американского историка-библеиста Мортон Смита, слова, “ненавидь врага своего”, могли произноситься в синагоге во время проповедей (что подсказывают и слова Иисуса: большинство тех, к кому он обращался, именно слышали тексты Танаха — Священного Писания), истолковывающих слова “люби ближнего своего” [8]. Впрочем, в специальном требовании ненависти к врагам не было нужды в условиях повсеместной практики не-

⁸ Как таковая любовь Бога априорна: “Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками” [Рим 5:8].

⁹ Иногда высказывается не лишнее оснований мнение, что в христианском учении заповедь любви имела значение главным образом как заповедь любви врагов, свидетельство чего усматривается в том, что Христос на вопрос, кого считать ближним, рассказывает притчу о добром самаритянине. Эта притча указывает, что ближним, а значит агапически любимым, может быть и враг?

навистного к ним отношения. В разных повествовательных сюжетах Ветхого Завета не раз сообщается о жестокости, нередко буквально испепеляющей, по отношению к врагам; как должное описывается крайне жестокое и кровавое отношение к активным врагам, то есть неприятелю, агрессору [напр.: Числ 22:6, Исх 23:23].

Непримиренность и зложелательство предписывается к конкретным врагам, например к жившим по соседству аммонитянам или моавитянам [Втор 23:6]. При завоевании земель и одолении народов Ханаана евреям повелевается Господом “предать их заклятию, не вступать с ними в союз и не щадить их; и не вступать с ними в родство...”, но вместо этого надлежит “жертвенники их разрушить, столбы их сокрушить, и роши их вырубить, и истуканов [богов] их сжечь огнем” [Втор 7:2–5]. Эти нарративно-ситуативные и конкретные повеления, будучи частью священного текста, несли в себе недвусмысленный императивный заряд, что хорошо понимал Иисус, отвергая ненависть к врагам не только как обычай и нравы.

В книгах Писания указывается и на праведную ненависть ко злу и его проявлениям — гордости, высокомерию, зложелательству, злословию [Пр 8:13; Пс 26:10]. По-разному надо относиться к праведникам и нечестивцам: первым следует делать добро, а последним — нет [Сир 12:4–5].

Вместе с тем, в ветхозаветных книгах заповедовались не только ненависть и жестокость в отношении врагов. В условиях мира, близкого соседства, например, когда враждебные народы были покорены и с ними нужно было рядом жить, повелевались солидарность и доброжелательность в отношении к их представителям [Исх 23:4–5]. При сопоставлении этого повеления со стихами, в которых то же поведение требуется в отношении к братьям, то есть соплеменникам [Втор 22:1–4], становится ясно, что в условиях мирного сосуществования и к врагу следовало относиться, как к ближнему. Иными словами, хоть в какой-то мере любить его.

Текст заповеди любви к врагам [Мф 5:43–44] свидетельствует о том, что Иисус, призывая любить врагов, имел в виду не только иноплеменников, но и тех, с кем человек оказывается в активном противостоянии, в прямой вражде. Именно об этом его призыв к благожелательности и сердечному расположению в отношении проклинающих, ненавидящих, обижающих и гонящих. По сравнению с древним законом это, конечно, была совершеннейшая новация. Если агапэ — это путь преодоления обособленности, разобщенности между людьми, то заповедь “Любите врагов ваших” действительно фундаментальна, ибо враждебность, ненависть являются наиболее крайними выражениями обособленности и разобщенности. Повелевая делать все для преодоления разобщенности и раздора, чтобы ненасильственно и конструктивно разре-

шить конфликт, заповедь “Любите врагов ваших” предстает как наиболее последовательное выражение любви — великодушия и снисходительности. Мысли и констатации, созвучные заповеди любви к врагам, встречаются и в более древних, чем христианская, традициях [напр., Гомер. Ил., XXIV: 485–633]. Однако только в христианстве этой заповеди придается столь большое значение.

Этика любви к врагам развивается апостолами Петром и Павлом в связи с заповедью непротivления злу¹⁰. Это сопоставление важно в этико-нормативном плане, поскольку враг — этот тот, кто является источником зла. Характерно, что Бернард Брэди, задаваясь вопросом, кто мог иметься в виду под врагами, поясняет:

- враги государства и страны;
- местные, преследующие христиан;
- евреи, изгнавшие христиан из своих общин;
- может быть, кто-то из самих христианских общин;
- враждебное христианам окружение, те, кого апостолы называли злословящими [5].

Неоднократно возвращаясь к заповеди непротivления злу, апостолы вносят в ее формулировку существенное уточнение, указывая, что за зло нельзя *воздавать злом*. На основе этого предполагается: *воздавай добром*. Заповедь Христа “Не противься злему” может восприниматься как указание на непротivление вообще. В самом деле, из общего контекста Нагорной проповеди и последовательности заповедей можно предположить, что “Не противься злему” означает: относись ко всем с любовью. Такая формулировка заповеди, в особенности в сравнении с некоторыми ветхозаветными наставлениями, более перекликается с запретом на лично осуществляемое мщение [Притч 20:22].

Не *воздавать злом за зло* Петр призывает членов христианской общины — верующих, живущих среди язычников. Он имеет в виду прежде всего внутренние отношения в общине [1 Петр 2:2; 1 Петр 2:16; 3:9]. Наставление в снисходительности к злословящим было, несомненно, оппозиционным Ветхому закону, в котором злословие рассматривалось как преступление. Злословие же в отношении Господа подлежало жестокой каре [Лев 24:13–14, 16]. Но и среди язычников (и по отношению к язычникам) надо вести себя добродетельно, в частности и для того, чтобы своим образом жизни агитировать за Христа [1 Петр 2:12]. Иными словами, на злословие язычников следует отвечать добродетелью по отношению к ним. Вместе с тем проповедуется покорность “всякому человеческому начальству” во имя Господа [1 Петр 2:13] и доброе к нему отношение, “ибо такова есть воля Божья, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божьи” [1 Петр 2:15–16]. Так же

¹⁰ В Нагорной проповеди обе заповеди провозглашаются, хотя и в непосредственной связи, но в общем контексте [Мф 5:39, 43–44].

и слугам полагается повиновение господам, “не только добрым и кротким, но и суровым” [1 Петр 2:18], и примером здесь должен быть Иисус [1 Петр 2:23]. А женам — повиновение мужьям. В этих наставлениях конкретизируется общее: “Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры, не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение” [1 Петр 2:8–9].

Павел также высказывает заповедь “Никому не воздавайте злом за зло” (дважды), обращаясь к членам христианских общин и формулируя правила христианской жизни. Именно говоря о том, какими должны быть отношения между *братьями*, он предостерегает против беззаконности, корыстолюбия, непорочности и наставляет в миролюбии, братолюбии, благоприличии [1 Фес 4:6–12]. Призывая к вразумлению бесчинных, утешению малодушных, поддержке слабых и долготерпению в отношении всех [1 Фес 5:14], апостол заключает: “Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем” [1 Фес 5:15]. В Послании к Римлянам, сказав то же об отношениях внутри общины [Рим 12:9–13], он наставляет, как надо вести себя с врагами верующих — благословлять, а не проклинать [Рим 12:14] и заповедь непричинения ответного зла дается в качестве принципа отношений как к братьям, так и ко всем людям: “Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками” [Рим 12:17]. Далее рекомендуется быть по возможности миролюбивым [Рим 12:18], запрещается месть [Рим 12:19] и в словах, известных по Ветхому Завету, утверждается доброта в отношении врагов [Рим 12:20]. В следующей же главе Павел говорит о недопустимости противления властям, причем повиноваться надобно “не только из страха наказания, но и по совести” [Рим 13:5], поскольку гражданские начальники — это Божьи слуги и их служение есть Божье служение [Рим 13:7–8]. Все это наставление обобщается в провозглашении заповеди любви, однозначно соотносенной с заповедью непротивления злу: “Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона” [Рим 13:10].

Как и Иисус, апостолы ничего не говорят о должной реакции в отношении разрушительного зла, о действиях перед лицом агрессивного злодея, о том, как относиться к врагу в наиболее зловещем смысле этого слова — нападающему с оружием, иноземному воину или разбойнику, а в особенности как относиться к агрессору, угрожающему не только мне, но и близким людям, тем, попечение о ком возложено на меня. Из того, что говорит Павел, можно сделать вывод: не сопротивляясь — молясь и кланяясь. Ведь сказав о помощи, которая может потребоваться тем, кто является нашим врагом (но, опять-таки, в состоянии не активного противостояния,

а мира), Павел добавляет: “Не будь побежден злом, но побеждай зло добром” [Рим 12:21]. И это следует понимать в духе заповеди: “Не воздавай злом на зло”. Отвечая на зло добром, ты побеждаешь его, не даешь злу войти в душу свою.

* * *

Итак, идея агапэ, как это видно по ее нормативному воплощению в заповеди любви, предполагает и предписывает две взаимоопосредованные интенции — условно говоря, теистическую (к Богу) и гуманистическую (к человеку). Эта идея целостно организует мир человека, и потому при ее анализе трудно отвлечься от теологических, антропологических, этических аспектов, которые сами по себе представляют значительный исследовательский интерес. Однако эти аспекты не должны закрывать “амурологического” содержания идеи агапэ.

Такое содержание представлено прежде всего в понимании любви Бога. Бог своим отношением демонстрирует идеал любви. Это видно уже в тех характеристиках любви Бога, которые раскрываются в Ветхом Завете. Она здесь предстает как в первую очередь беспредпосылочное и безусловное (в своем возникновении), исключительное, непрагматическое чувство и отношение. Эта любовь обусловлена самой собой, фактом начавшейся любви и желанием любви. Как таковая она самоценна; любящий воплощает в ней самого себя и предает себя любимому, естественно уповая на верность и преданность. В ней достоинство самоопределения и самовоплощения. Стоит взглянуть на эти характеристики любви в их данности, отвлеченно от того, кто ее питает, то есть от агента любви, чтобы понять: это характеристики совершенной любви — любви самой по себе, как избирательного, непрагматического, абсолютного отношения, в котором другой принимается, каков он есть.

Все это открывается, как мы видели, в характеристиках любви ветхозаветного Бога. Они разноречивы. Их разноречивость обусловлена различием в представлении любящего — то в роли жениха, посвящающего себя любимой, то в роли родителя, как по-матерински заботливого, так и по-отцовски требовательного. Во всех этих проявлениях ветхозаветный Бог выступает как Бог любви, во всяком случае любовь является его неотъемлемым качеством.

Эти характеристики обнаруживаются и у новозаветного Бога. Христианский Бог помимо безусловности и инициативности своего отношения к людям и благосклонного расположения обнаруживает свою любовь еще и в жертвенной преданности любимым, в готовности и реальном усилии принять на себя их бремя, самое страшное бремя — бремя грехов.

Такие характеристики любви, пусть это любовь самого Бога, задают строй идеальной любви как таковой. Не случайно любовь Бога предьявляется Христом ученикам как предмет для неутомимого подражания и именно в таком качестве воспринимается ими. В первую очередь это проявляется в любви к Богу, которая не есть любовь-благодарение, любовь в ответ на проявленную любовь. Задаваемая божественной любовью, она сама по себе есть любовь инициативная, рожденная восхищением и стремлением посвятить себя любимому.

Так проявляется агапэ и в отношении человека к человеку. Она не исчерпывается эмоциональным подъемом, желанием, страстью. Она не обусловлена потребностью, то есть некой нехваткой, испытываемой человеком (в чем видел источник любви Сократ в платоновском “Пире”). Любовь — это, говоря словами Макса Шелера, “сверхчувственный акт духа” [4], и сам факт такого акта рассматривается как подтверждение явленности Бога. В любви дух практически реализует себя. Эта особенность любви с наибольшей силой проявилась у апостола Павла в разьяснении любви как деятельного отношения к другому, в котором она обнаруживает себя как дар, как благодать, претворенная в человеческих связях. Именно поэтому, по утверждению апостола Иоанна, “Бог есть любовь” [1 Ин 4:8, 16]. Любовь задается Богом, способность любить дается благодаря Богу, любящий уже познал Бога. В такой — активной, добро-желательной, благо-деятельной — любви воплощен сам Бог.

В агапэ утверждается особый образ заботы как милосердия. В некоторых пусть не центральных пониманиях эроса у Платона любовь также предстает как проявляющая заботу; у Аристотеля филия явно обнаруживается в заботе о благе друга. И в том, и в другом понимании любви забота обуславливалась особым отношением к данному конкретному человеку, ставшему благодаря своей красоте и добродетели возлюбленным. По-другому устроена агапэ. Она не вытекает из личной симпатии или восхищения другим. В ней актуализируется доброта человека, содержащаяся в его душе и до встречи с данным конкретным человеком. При этом в интенциональной обращенности к ближнему любимым оказывается именно ближний с его конкретными проблемами.

В христианской “формуле любви”, выраженной в главной заповеди, так же, как и в эросе Платона, сопряжены отношение к высшему и отношение к ближнему. Однако в агапэ ближний и любовное отношение к нему ни в коей мере не являются средством обращения к высшему. В христианстве любовь к Богу предопределяет и опосредует любовь к ближнему; более того, любовь к Богу во всей своей полноте только и может проявиться через любовь к ближнему.

1. *Муретов М.Д.* Новозаветная песнь любви в сравнении с “Пиром” Платона и “Песнью Песней”; Актовая речь // Богословский вестник, 1903. Т. II. № 11; Т. II. № 12.
2. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В 3 т. / Под ред. А.П. Лопухина. Т. 3.
3. *Швейцер А.* Мистика апостола Павла // *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / Сост. и посл. А.А. Гусейнова. М.: Прогресс, 1992.
4. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. С. 75.
5. *Brady B.V.* Christian Love. Washington: Georgetown University Press, 2003. P. 63–64.
6. *Martin 3rd I.J.* I Corinthians 13 Interpreted by Its Context // *Journal of Bible and Religion*, 1950. Vol. 18. № 2. P. 103.
7. *Nygren A.* Agape and Eros / Transl. by P. Watson. Philadelphia: The Westminster Press, 1953. P. 114–115.
8. *Smith M.* Mt. 5.43: “Hate Thine Enemy” // *The Harvard Theological Review*. 1952. Vol. 45. № 1. P. 72.